

"Новое Время", г. Санкт-Петербург  
1899 г. 18 августа.

В № 843  
Судьба Комикова. 99  
Новое время  
Спасское поле.

— Вы не забыли завтра панихиду по Мартынову? — сказал мне на днях мой приятель, — надюсь, мы отправимся вместе?

— Разумеется.

И, следуя заранее заведенному обычаю, мы оба были на панихиде, изображая собой ту часть публики, которую в газетах обыкновенно называют «и кое-кто из посторонних».

Мартыновская панихида это — своего рода добровольная «эпитимия» для каждого театралла, или грядый на вольные страсти. В этот день на Смоленское кладбище, где похоронен наш великий артист, собиравшись кое-кто из его старых сослуживцев и поклонников, представители театрального общества и несколько человек «посторонних». Я причисляю себя к последним, чтобы оставаться вполнѣ независимым, чувствовать, как хочешь, и говорить, как чувствуешь...

А мартыновская могила невольно наводит на размышления.

Помню, как на одной из таких панихид, когда кладбищенские пѣвчие нескладным хором уже провозгласили «вѣчную память», священник покандил и синеватыя струйки лада прищудливо завили вокруг мраморного монумента, из кучки собравшихся людей вышел какой-то старенький, убого одѣтый старичок и, обращаясь к остальным, съ чувством произнес:

— Здѣсь погребенъ русскій юмор!..

Что онъ хотѣлъ сказать этими словами для всѣхъ остальныхъ тайной, но неизвѣстный старичокъ казался странно взволнованнымъ и поспѣшно удался отъ могилы.

Позже я не разъ призадумывался надъ его словами.

Полно: такъ ли? Только ли русскій юморъ поглотила мартыновская могила? Развѣ можно назвать Мартынова комикомъ? Увы, таково общее мнѣніе о немъ, утвердившееся вопреки всѣмъ театральнымъ традиціямъ, воспоминаніямъ современниковъ и всей его сценической дѣятельности, насчитывающей множество ролей драматическаго репертуара! Мартынова упорно считали комикомъ, несмотря на то, что онъ создалъ рядъ глубоко драматическихъ образовъ, вроде Михайлы («Чужое добро въ прокъ нейдетъ») Боярышниковъ («Не въ деньгахъ счастье») или Ладышкина («Кеніихъ изъ долгового отдѣленія»).

Впрочемъ, послѣднюю роль слѣдуетъ скорѣе отнести къ категоріи ролей полу-комическихъ, гдѣ Мартыновъ, если такъ можно выразиться, являлся комикомъ съ отгнкомъ трагика.

Это была его специальность, и современники недаромъ называли его въ путевку «драматическимъ комикомъ». Среди

общаго веселья и безумнаго хохота онъ умѣлъ сразу остановить публику, заставить на мгновеніе замереть зрительный залъ, достигая такого впечатлѣнія самыми простыми средствами. Очевидны разсказы, вѣдутъ, что такимъ именно являлся въ его изображеніи Ладышкинъ. Типъ, выхваченный прямо изъ жизни, для котораго не надо было подыскивать особой формы, онъ выросталъ у Мартынова въ цѣлое эпическое лицо. Нѣсколько словъ заключительнаго монолога и все предыдущее представленіе о Ладышкинѣ шло на смарку, послѣ того какъ Мартыновъ хваталъ руками за сердце нотами своего тихаго, подавленнаго голоса, нервнѣйшимъ жестомъ руки и какимъ-то растеряннымъ блескомъ своихъ глазъ показывалъ всю невзрачную сѣренькую дѣйствительность этого бѣднаго забитаго человѣка...

И этого актера, сильнѣе другихъ опредѣлительнаго истинное значеніе «смѣха» сквозь слезы», всѣ упорно продолжали считать за комика. По собственному его признанію, такое мнѣніе отравляло ему существованіе. Нагура нервная, впечатлительная, онъ былъ доволенъ собой только тогда, когда чувствовалъ, что его понимали и цѣнили. Недоразумѣніе съ публикой, такъ опротивившее пожелавшей ему званіе профессиональнаго комика, только болѣзненно могло отозваться на немъ...

Вамъ, конечно, извѣстенъ ужасный недугъ, расшатавшій его организмъ и сведшій въ могилу, недугъ, которому подвержены многие лучшіе русскіе люди?

Мартыновъ былъ алкоголикъ.

Вино давало ему нѣсколько минутъ забвенія, но зато послѣ отрезвленія онъ еще сильнѣе чувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ. Людская безчувственность удручала его. А къ тому еще примѣшивалась врожденная деликатность, не позволявшая ему заблѣгать впередъ передъ товарищами, безденежье и полное сознание предвѣстнаго конца. Въ «Воспоминаніяхъ» А. А. Нильскаго разсказывается одинъ случай, ярче другихъ характеризующій безвыходность его натуры и его удивительное, — я позволяю себѣ сказать, — простонародное смиреніе передъ блестящимъ призракомъ смерти.

Дѣло въ томъ, что врачъ давно совѣтовалъ Мартынову перемѣнить образъ жизни, оставить вино и кочевья по провинціальнымъ театрамъ, съ цѣлью доставить себѣ средства для существованія.

— Вамъ нужно лечиться, — говорилъ ему докторъ передъ послѣдней его побѣдкой, — серьезно лечиться. Вы не имѣете права растрачивать своихъ силъ, которыхъ у васъ такъ немного. Вамъ надлежитъ отдохнуть въ полномъ спокойствіи все лѣто и непремѣнно на югѣ. Если вы на это не согласитесь, я не отвѣчаю за возобновленіе вашего здоровья...

Въ отвѣтъ на это Мартыновъ печально улыбнулся и, ни слова не говоря, вышелъ въ соседнюю комнату, изъ которой тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи своихъ подростковыхъ дѣтей. Указывая на нихъ доктору, онъ сказалъ:

— Вотъ вамъ мой отвѣтъ! Неправда ли — краснорѣчивый?..

— Для нихъ-то вы и должны беречь себя!

— Нѣтъ, докторъ, объ этомъ говорить не будемъ!

И Мартыновъ упорно продолжалъ свой «режимъ», режимъ алкоголика, который необходимъ былъ ему теперь уже для поддержанія энергіи, какъ одно изъ непремѣнныхъ условій творчества.

Но поэтому ли, къ сожалѣнію, согласно принятому у насъ, когда чело-вѣкъ пьетъ, принято считать это за признакъ «непонятной» натуры. «Его не поняли», — таково стимулъ этихъ неудачныхъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ классахъ общества и чаще всего въ актерской средѣ, извѣстная, получившая репутацію притона всѣхъ отбросовъ общества, гдѣ всѣ унижены и оскорблены, исцѣляются однимъ жалкимъ бальзамомъ, посягающимъ на скорую смерть. Къ сожалѣнію, Мартыновъ испыталъ на себѣ всѣ тяжести этой печальной теоріи, такъ какъ съ колеблени-ми до могилы были дѣйствительно непонятной натурой, игралъ въ жизни, какъ и на сценѣ, «комика по-неволѣ».

Въ его трудовой, безпроектной жизни черной нитью проходитъ судьба, та самая судьба, которую такъ упорно преслѣдуетъ въ своей философіи Вл. Соловьевъ.

Начиная страннымъ капризомъ этой судьбы, Мартыновъ испыталъ на себѣ всѣ превратности, готовясь первоначально въ балетъ и сдѣлавшись затѣмъ декораторомъ, чтобы вполнѣ достигнуть покаянія на драматическую сцену. Онъ позналъ всѣ терни актерской жизни, зналъ нужду, неуспѣхъ, закулисное фискальство и интриги, зналъ наконецъ славу, минуты вдохновенія и творческій экстазъ, — и все это такъ странно и причудливо перемѣшивалось въ его жизни, что самая жизнь казалась одной сплошной агоніей, въ концѣ концовъ благополучно разрешившейся смертью...

Жизнь, однако, не сдѣлала нашего артиста философомъ. Отъ природы застѣчивой, сдержанный, онъ становился только все болѣе и болѣе задумчивымъ и тихимъ. Всякій, казалось, могъ обидѣть его, и всякій дѣйствительно обижалъ, не встрѣчая съ его стороны никакого сопротивленія. Когда на сценѣ владычествовалъ П. С. Федоровъ, онъ трепеталъ передъ Федоровымъ; когда являлся какой-нибудь новый фаворитъ, онъ боялся его, какъ, вѣроятно, не боялся ни одинъ изъ театральнаго персонала. Эта залу-танность, это вѣчное безпокойство за другихъ, съ своимъ родъ маніи преслѣдованія, составляли главное несчастье существованія Мартынова и весь трагизмъ его жизни. Единственно, въ чемъ Мартыновъ оставалъ свои права, это была его сла-бость къ драматическимъ ролямъ. Терзаніе нравовъ было такъ же необходимо ему, какъ вино, и успѣхъ хмелилъ голову пуще водки. Какъ на зло, многие упорно продолжали считать его комикомъ, и Мартыновъ измѣногалъ въ этой борьбѣ съ невѣжествомъ толпой, которой не дано было понять духовныхъ силъ. Артистъ по натурѣ, но-свшій въ себѣ искру божественнаго огня, съ не имѣлъ, однако, достаточно ни силъ, ни воздуха, чтобы раздуть эту искру въ пламя. Онъ дулъ въ одну сторону, а дышалъ въ другую, а дышать между тѣмъ становилось все труднѣе и труднѣе, и, наконецъ, онъ вовсе выпалъ изъ силъ...

Впрочемъ, эту судьбу непонятныхъ талантовъ испыталъ на себѣ не одинъ Мартыновъ, но и всѣ актеры того времени. По странной случайности, всѣ они похоро-нены на одномъ кладбищѣ. Недалеко отъ мартыновской могилы находятся могилы Рязанцева, Асенковой, Дюръ и другихъ актеровъ 40-хъ годовъ. Весь старый петер-бургскій театръ пологъ здѣсь своими кость-ми, и грустные думы навѣваетъ видъ этой актерской семьи, соединенной здѣсь у мѣста своего послѣдняго пристанища. Невольно приходитъ на умъ злополучная судьба этихъ безропотныхъ жрецовъ искус-

ства, не смѣвшихъ, въ силу господствовав-шаго режима, сдѣлать влеченіе своего сердца и игравшихъ подчасъ то, чѣмъ возмущалось ихъ художественное чувство и актерское самолюбіе. Я беру на себя смѣ-лость утверждать, что вся исторія русскаго театра отъ первыхъ его шаговъ и до нача-ла шестидесятихъ годовъ представляетъ сплошную ломку талантовъ, которой мог-ли противостоятъ одни только бездарно-сти. Нани Волковы, Яковлевы, Дмитре-вскіе, Шумские, Пономаревы, Сандуновы и Сабуровы играли не то, къ чему влекло ихъ призваніе, а то, что предписывала имъ мо-да и общественный вкусъ. Театръ являлся для нихъ не школой искусства, гдѣ совер-шенствовались ихъ таланты, а скорѣе шко-лой правды, гдѣ суровая театральная дис-циплина закаляла въ нихъ характеръ, вну-шала имъ мужество и обучала терпѣнію. Такой порядокъ велся въ теченіе всего про-шлаго столѣтія и цѣлкомъ былъ принятъ возникшей затѣмъ театальной школой.

Традиціи князя Шаховскаго сводились приблизительно къ такому же взгляду на призваніе актера. «Разъ ты на сценѣ, — говорило это ученіе, — ты долженъ знать все, что можешь отъ тебя потребовать те-атръ, ты долженъ пѣть, танцевать, играть всѣ роли, которыя тебѣ поручатъ, не ожи-дая за это какихъ-либо особыхъ почестей и менѣе всего заботясь о правахъ на без-смертіе». П. актеры прошлаго столѣтія дѣй-ствительно были обучены всѣмъ искусствамъ, являясь поочередно пѣвцомъ, танцовщикомъ и драматическимъ актеромъ. Репертуаръ XVIII столѣтія насчитываетъ немало пѣсень, гдѣ всѣ эти «искусства» были соединены вмѣ-стѣ и гдѣ исполнителю представлялась воз-можность блеснуть всѣми своими талантами. Къ удивленію, исторія нашего театра назы-ваетъ также такихъ гигантовъ, которые пре-одолевали всѣ препятствія и были одина-ково великолѣпны какъ въ оперѣ, такъ и въ балетѣ и въ драмѣ. Вспомнимъ только старика Дмитревскаго и Екатерину Семено-ву. Но зато сколько безвѣстныхъ талан-товъ погибло задаромъ отъ такого безтол-коваго насильственнаго творческихъ способ-ностей, сколько чело-вѣческихъ жизней стоила эта тяжелая школа «актерскаго ис-кусства»!

Послѣ Шаховскаго, въ началѣ тридца-тихъ годовъ, дышать стало нѣсколько лег-че. Вѣяніе свободы пронеслось надъ Рос-сіей и не замедлило проникнуть въ теа-тральную среду. Въ это время и въ теа-тральной школѣ мы встрѣчаемъ болѣе тре-звый взглядъ на призваніе актера, разли-чающей таланты отъ бездарностей и ука-зывающей каждому надлежащее мѣсто. Но и здѣсь продолжаетъ господствовать полное неоправданіе истиннаго назначенія актера, полное подраздѣленіе способностей каждо-го изъ нихъ въ отдаленности, которое мы то-гда перъ называемъ амплуа. Такое подраздѣ-леніе заключалось обыкновенно самымъ про-стымъ способомъ. Достаточно было, напри-мѣръ, ученику зарекомендовать себя еще на школьной скамѣ хорошимъ комикомъ, какъ его дальнѣйшее назначеніе сразу опредѣлялось по приказанію начальства — и новопеченный актеръ занималъ то ам-плуа, которое было предназначено ему волею премудраго муниципалитета. Яркій примѣръ этого насильственнаго произвола мы ви-димъ опять-таки въ биографіи Мартынова.

Въ бытность свою въ театральномъ учили-щѣ ему случилось сыграть комическую ро-ль въ какомъ-то водевилѣ. Директоръ теа-тра, присутствовавшій на этомъ спектак-лѣ, такъ заинтересовался его игрой, что

судьба молодого актера сразу была рѣшена. Онъ сталъ комикомъ, «комикомъ по-нево-лѣ», тогда какъ всѣ его помыслы, всѣ жела-нія были направлены въ сторону драмы.

Да и не одинъ Мартыновъ несъ на себѣ всю тяжесть подобнаго произвола. Вспомните только судьбу Асенковой, милой застѣчивой Асенковой, въ которой упрямство работни-цы сживалось съ кротостью ангела. Слѣдуя тайному влеченію, она еще съ дѣтства по-чувствовала свое призваніе, которое звало ее на сцену и, несмотря на всѣ усилія, не проявила ни одного проблеска дарованія вплоть до самаго поступленія на сцену. Из-вѣстенъ анекдотъ, что П. И. Сосницкій, бывшій ея первымъ учителемъ, окончатель-но отчаялся въ ней, какъ вдругъ на одномъ изъ уроковъ молоденькая Асенкова съ та-кимъ захватывающимъ драматизмомъ проч-ла роль Жизели, что вызвала слезы у своего наставника. И что же? Этой, быть мо-жетъ, величайшей драматической артисткѣ, этой Лекуверреръ русской сцены, судьба су-щела совершенно иную карьеру. Ее выпу-стили водевильной актрисой, только потому, что водевиль былъ тогда въ модѣ и что та-лантъ, однажды уже вспыхнувшій, не могъ востъ этого потухнуть!

А Дюръ, этотъ подневольный жрецъ того же водевиля, партнеръ Асенковой, съ кото-рымъ она дѣлила свои успѣхи... Судьба су-щела ему вначалѣ славу опернаго пѣвца, драматическаго любовника, а въ концѣ ко-нцовъ заставила удовольствоваться водевил-нымъ кривляньемъ и знаніемъ «неподра-жаемаго кунлетиста». Неудивительно ли по-тому, что и въ жизни эти люди были ка-тѣжками: Мартыновъ пилъ, Асенкову съба-ла чахотка, Дюръ былъ и алкоголикомъ и чахоточнымъ...

А на сценѣ между тѣмъ шель нескон-чаемый праздникъ. Водевиль основалъ тамъ свою резиденцію, звенѣлъ бубенчиками, игралъ рифмами, ставилъ и низводилъ лю-бимѣе тѣлы. Въ то время какъ обще-ственное мнѣніе находилось въ рукахъ го-ноимъ Бушариныхъ и Сенковскихъ, теа-тральными вкусами владѣлъ водевиль. То и другое шло на помощь другъ другу и вы-сило въ жизнь узкую буржуазную мораль, узкіе, пошлѣнные интересы. Кто хотѣлъ идти въ ногу съ вѣкомъ, тотъ долженъ былъ подчиняться требованіямъ обществен-наго режима, запрещавшаго дѣлать кисло-минну, когда всѣмъ было весело. Можно представить, что испытывали въ это время такіе приверженцы стараго репертуара, какъ Брянскій или Каратыгинъ, когда и новѣйшему поколѣнію актеровъ не легко давались эти «вѣянія» времени! Но старые корифеи сцены покинули жизнь, какъ и подобало трагическимъ героямъ, стойко и съ достоинствомъ, ни разу не пзмѣ-няя своимъ убѣжденіямъ и тихо отой-шли въ область тѣней. Новое поколѣніе было безпокойное, чувствительное ихъ. Живенная лопка отозвалась на ихъ хруп-комъ здоровьѣ, и всѣ они покончили свою жизнь трагически: Мартыновъ гдѣ-то на югѣ, въ одну изъ своихъ безчисленныхъ побѣдокъ по провинціи, Асенкова въ без-сознательномъ состояніи, преслѣдуемая чу-довичными кошмарами, Дюръ, умершій въ Троицкѣ день и впавшій передъ смертью въ младенчество, плакалъ при видѣ молодой зеленой березки, которую принесъ къ его постели одинъ приятель.

— Ахъ, какъ рано нынче распустились пѣвцы и какъ рано отцвѣла моя жизнь! — нестали его залепкиа губы до тѣхъ поръ, пока не пересталъ двигаться языкъ и онъ отошелъ въ вѣчность, этотъ веселый,

разбитной кунлетистъ, съ глазами, полны-ми невыплаканныхъ слезъ...

Бывали случаи, когда кончали и еще бо-лѣе трагически, но я беру только извѣстныхъ дѣятелей, жизнь и дѣятельность которыхъ была на-лицо. Странное смѣшеніе событий, удачъ и неудѣховъ представляетъ изъ се-бя ихъ тяжелая, истерзанная и издерган-ная актерская жизнь. На-ряду съ радости ми творчества, они знали сомнѣніе, отчая-вались въ самихъ себѣ, плакали надъ сво-ей судьбой и среди всего этого хаоса смѣ-няющихся событий, чувствованій и ощуще-ній передъ ними

...росло въ размѣрахъ колоссальныхъ Одно лицо — безъ образа и виду, И безъ рѣчей, — которое безмолвно, Неудержимо, холодно ихъ губить, И что въ трагедіи зовется Рокомъ!..

— «Роки!» могли воскликнуть всѣ они востѣ за майковскимъ Полишенелемъ, и то же самое слово повторилъ много лѣтъ спустя ихъ злополучный потомокъ Счаст-ливцевъ, въ погонѣ за счастьемъ поколе-сившій вдаль и поперегъ всю русскую зе-млю и все-таки ненашедшій разгадки сво-его жалкаго жребія.

Видится мнѣ это распутие безконеч-ныхъ русскихъ дорогъ, повисшійся до-рожный столбъ, необозримая ширь и даль русскихъ полей, замыкающихся гдѣ-то да-леко-далеко на горизонтѣ синеватой поло-сой лѣса.

Время вечернее. Жара спала.

«Не пылитъ дорога, не дрожатъ листы»...

И по этой избѣзженной, изборожденной колеями дорогѣ, съ трудомъ передвигая но-ги, идутъ два путника.

— Аркашка! — мрачно окликаетъ одинъ другого, мрачный, коренастый субъектъ, ма-ленькаго вертлявого чело-вѣчка.

— Я-съ, Геннадій Демьяничъ! — откли-кается тотъ. — Какъ есть весь тутъ.

И между старыми друзьями по не-счастью завязывается длинный разговоръ.

Оба они неудачники, оба непонятые и не-оправданные по достоинству таланты, но одинъ, Несчастливцевъ, приверженецъ ста-рой школы и стойчески защищаетъ свою независимость, а Счастливцевъ существо слабое, податливое, давно промѣнялъ лавры серьезнаго актера на водевильныя роли, думалъ, что такъ будетъ прибыльнѣе.

Куда они идутъ? За чѣмъ? неужели еще испытывать свою злодѣйку-судьбу, что и такъ въ концѣ подточила ихъ существова-ніе?

Оба товарища мрачны.

Дороги ихъ лежатъ въ разныя стороны, но времени достаточно.

— Зайдемъ въ «Пѣньки», — рѣшаетъ Не-счастливцевъ.

И они заходятъ.

Въ «Пѣнькахъ» живутъ люди съ такой же плотью, съ такими же мозгами, какъ и у нихъ, бѣдныхъ странствующихъ актеровъ, но «сердца ихъ — твердыя булата, слезы — вода, пощелку — кинжалы въ грудь»... Ихъ не поняли здѣсь, не оцѣнили. Счастье, на мгновеніе было улыбнувшееся имъ, снова ускользнуло и помчалось дальше, и снова приятели отправились въ путь-дорогу въ погоню за легкимъ призракомъ судьбы, не-сущейся впереди у нихъ на своемъ колесѣ...

Скоро ли они поймутъ его, скоро ли снова остановятся и встрѣтятъ на дорогѣ такихъ же неудачниковъ? Или же, въ ко-нцѣ обезсиливъ, они упадутъ гдѣ-нибудь у верстового столба и унесетъ съ собою ихъ тайну туманная даль, куда убѣгаютъ всѣ безконечныя русскія дороги...

Юр. Бѣляевъ.